

Лидия СУХАРЕВСКАЯ:

Чего стоит твое «я»?

СВИДАНИЕ НАЗНАЧИЛИ ЧИТАТЕЛИ

Актеры бывают хорошие, не очень и любимые. Это сугубо личная градация, и поделиться ею с читателями мы рискнули потому, что традиционное для «Современницы» приглашение на свидание, высказанное в письмах, так приятно совпало с нашим давним желанием.

Лидия Павловна Сухаревская... Если, согласно высказанному, определить кратко любимого актера, то «единомышленник», пожалуй, самое точное слово. Он выражает в спектакле ли, в фильме то, что хотел бы сказать ты сам. Ему доступно чародейство: только тебе известное угадывать и произносить вслух.

Иногда в радостном изумлении узнавания мы говорим, например, — литературный герой ожил. Его оживил наш любимый актер. Прошло немало лет, но когда беру с полки зеленый томик, чеховская попрыгунья Ольга Ивановна излагает свои глупости, надломленно хохочет голосом Сухаревской.

В чародействе своем Сухаревская заходит иногда столь далеко, что приходится убеждать себя, глядя на фотографию Эдит Пиаф: ошибки нет. А та, с небрежной прической и горьким взглядом — актриса. У них разные лица. Но одна душа.

О многом хотелось бы спросить актера при встрече. Но нужно о чем-то наиболее важном...

— Лидия Павловна, в недавней майской телепередаче, посвященной вашему творчеству, вы, высказав мысль, ушли потом от нее. Мысль актуальна чрезвычайно и столь же дорога нам: «Человек делает себя

всю жизнь, обязан делать».

— Она и мне дорога бесконечно. Ведь в центре всех современных идей — человек. И ничто другое. О человеке, за человека, про человека, для человека! В искусстве человека воплощает актер, но прежде чем попытаться объяснить человека, ему надо попытаться объяснить себя. А это — занятие на всю жизнь. Однако дело не только в узко профессиональном подходе. И не в одной лишь потребности объяснить. Уже зрелым человеком я пошла еще учиться, кончила университет марксизма-ленинизма. Так что в памяти свежо: прежние философы мир объясняли — мы его переделываем. Человека тоже прежние умы все больше познавали и объясняли. А мы-то ведь создаем. Но не слишком ли часто при этом личную ответственность заменяем ответственностью коллективной?

В передаче «Очевидное — невероятное» профессор Капица рассказывал как-то: каждая клетка (клетка!) индивидуальна. Каждая неповторима биологически — в зерне своем. И люди, как зерна! И каким может быть урожай красоты, таланта, доброты. Но есть невзросшие зерна, несостоявшиеся люди.

Личность в нашем обществе — это прежде всего человек с высоко развитым сознанием, знаток своей профессии. И обязательно — индивидуальность. И бригада коммунистического труда, в идеале, опять же коллектив высоко развитых индивидуальностей. Ну, а если говорить о моей родной сфере — об искусстве, то ху-

дожника без индивидуальности надо освобождать от работы, как профнепригодного.

Что же это такое — индивидуальность? Попробую выразить свои о ней представления. Прежде всего самостоятельность — способность самостоятельно трудиться, самостоятельно мыслить, иметь свою самостоятельную точку зрения на вещи. А не ведет ли такая самостоятельность к безудержному субъективизму? Ведет и приводит индивидуалиста. А индивидуальность — нет. Между ними — пропасть. К слову сказать, я заметила в себе одно занятное свойство: чем больше с годами приобреталась профессиональная самостоятельность, тем отчетливее росло чувство духовной свободы. И тем все более разумным и естественным стала казаться мне подчиненность моей индивидуальности коллективу. Моего субъективного суждения — суждению коллективному. Мне очень хотелось поделиться этим небольшим открытием — я им дорожу. Возможно это открытие — известная истина. Но все истины, уверена, надо каждому из нас всегда открывать заново. Только тогда они приобретают подлинную ценность. И образуют наш духовный мир.

— А как у вас лично идет эта работа, как вы «создаете себя»? И давно ли, долго ли?

— С детства я веду дневники. Они и сейчас где-то там, в шкафах и ящиках, в моем бумажном архиве. Серо-желтая бума-

га. Не от времени. Она вся была такой в ту далекую пору моего вологодского детства, когда из деревни мы переехали в маленький уездный городок. Сейчас понимаю, что эта потребность беседы, эта «отчетность» дневниковых записей была началом поздних трудов и раздумий, и ломок, и строгих вопросов к себе.

Что я могу узнать о себе и как себя проконтролировать? Ну, сначала хотя бы элементарно, по «вопроснику».

Пойми, что ты боишься. Что ненавидишь? Во что веришь? Что значит быть добрым? Какие процессы в тебе сменяют друг друга непрерывно?

Попытайтесь задать себе эти вопросы, возможно продлив их. И ответьте — строго откровенно. И уже кое-что прояснится. И, уверяю, все окружающее приобретет новые измерения.

Мне кажется, вопросы себе надо задавать постоянно. Мы растем, меняемся. Да, растем и меняемся даже в зрелом возрасте. И спрашивать надо постоянно, всю жизнь. Чтобы не зачерстветь, не утратить хорошего, что было, но может уйти. Чтобы не разменять себя на мелочи, на дешевое удобство жизни, на мелкие радости. В юности идет бурная работа души. Самотеклом. А в зрелости ее надо организовывать. Нельзя раз и навсегда разобраться в себе самом. Как нельзя раз и навсегда вымыться.

Я очень ценю в этой внутренней работе — преодоление, отказ

от чего-то. Помню, как в первые дни войны в Ленинграде женщин и пожилых, когда началась бомбежка, отправили в убежище, а молодые актеры нашего Театра комедии ушли на высокую крышу дома гасить зажигалки. Ах, как это было страшно — черное небо войны в огнях трассирующих пуль и разрывов. Но я поняла, что должна победить страх, чтобы оставаться человеком. На всю жизнь запомнила этот мой путь на крышу. Страх пригибал, физически снул меня к ступеням. Я поняла, что это значит — свинцовые ноги... Не помню, что говорила тогда себе — шептала или кричала? Но Борис Михайлович Тенин вспоминает: «Ну и физиономия была у тебя, когда ты появилась в чердачном окне!». Однако появилась. И не ушла с крыши весь налет. Я не сделала тогда ничего значительного, полезного сражающейся стране моей. Но я победила в себе страх, унижающий человека. Вы скажете — война, исключительные обстоятельства. Да, конечно. Но в жизни, в обычной нашей жизни разве нет обстоятельств, которые гнут нас к земле? И разве это не обязанность человека — победить обстоятельства, выпрямиться?

По вашей просьбе говорю о себе, но не хотелось бы предстать такой поучающей дамой. Я, например, состою из «комбинации недостатков». Действительно искренне так думаю, всю жизнь воюсь с их преодолением, но работе моей не вижу конца... Это касается и внутренних духовных

преодолений. И профессиональных. Например, меня бранили за плохую речь, дикцию. Преодолевая это, я постоянно готовила к спектаклю свой речевой аппарат: перед началом читала по нескольку раз одно стихотворение, которое, на мой взгляд, хорошо тренирует речь. Лицо, руки, ноги — знаю их недостатки, и тренирую, исправляю, делаю их сценичными тоже постоянно.

— А ваши пьесы — каково их место в этой работе по созиданию себя?

— «Жизнь сначала» — не правда ли название этого сценария созвучно нашему разговору? Этим сценарием я довольна, но то было давно. А вообще в писаниях своих я неудачница. Но пишу с войны. И до сих пор. Это все мои поиски самовыражения. Хочу, если вернуться к началу нашей беседы, чтобы зерно проросло как можно полнее. Состояться в деле своем — главная обязанность человека. И если мне нет ролей в уже написанных пьесах, я пишу свои роли сама. Вы считаете, что Эдит Пиаф состоялась? Пьесы по воспоминаниям об этой замечательной актрисе мы создали в соавторстве с Якушкиной. Пиаф всегда пела свою жизнь, поэтому так пронзительно звучат ее песни. Пиаф всю жизнь называла деньги «кругляшами».

Презираю убогую жадность к бараклу. Но есть ведь и жадность к работе.

Все видеть, все прочесть! Все знать, все пережить. Все формы, все цвета Вобрать в себя глазами. Пройти по всей земле

Горящими ступнями.
Все воспринять и снова воплотить!
Этими стихами кончается моя нигде не сыгранная пьеса «Парадокс об актере». Мне кажется, я ответила на ваш вопрос.

— В выражениях «деланная улыбка», «этот человек весь сделан» есть явный отрицательный смысл.

«Сделанность» и делание себя — разные вещи. О «сделанности» не хочу говорить. Она неоправдана.

Если человек улыбается, когда ему хочется плакать — да здравствует такая улыбка! Не надо, чтобы все люди знали, как мне живется внутри. Веселая горечь. Пусть думают, что я всегда в хорошем настроении, весела, иронична. Николай Павлович Акимов написал однажды о том, как нужна нам сегодня воспитанность. Сесты, встаю, подаю руку, улыбнуться, поговорить, уйти — старинные правила интеллигентного общения. Акимова, помнится, раскритиковали в свое время за «буржуазные пережитки». Но разве справедливо грубость, разболтанность манер и неумение разговаривать с людьми считать чем-то антибуржуазным.

Когда мы делаем себя — учимся, читаем, размышляем, преодолеваем — не, грех, наверное, подумать и о внешнем проявлении своего «я».

— Заканчивая беседы, принято благодарить. И мы делаем это от всей нашей благодарной зрительской души. Но позволите, Лидия Павловна, сказать и кое-что еще. Хочется увидеть вас в тех ваших пьесах, что не состоялись пока как спектакли. Пусть состоятся. И «Мать Мария», и «Голоса в тишине», и «Парадокс об актере»...

Беседу вела
С. СТЕПУНИНА.